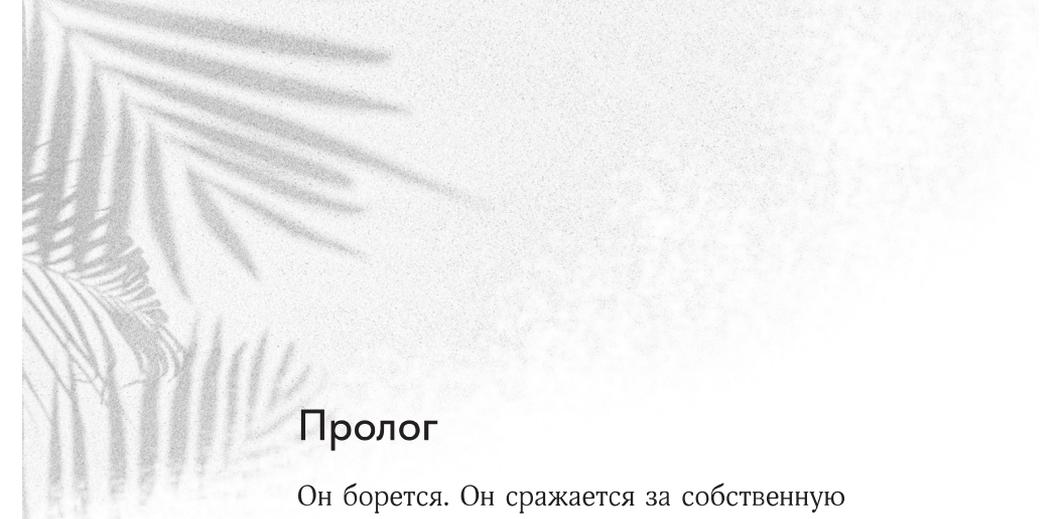

Содержание

Пролог	7
Часть первая. ЗАТИШЬЕ	8
Часть вторая. ШТОРМ	161
Часть третья. РАСПЛАТА	346
От автора	444

*Посвящается Йану,
моему самому любимому ученому.
Спасибо тебе, что ты такой. Какой есть*

Пролог

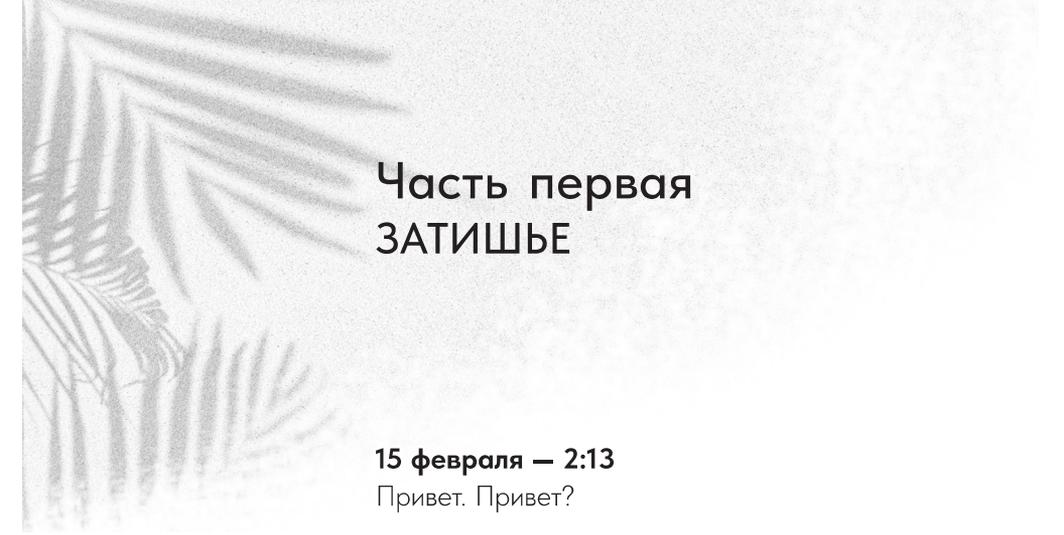
Он борется. Он сражается за собственную жизнь — но и она тоже. Она находится по шею в воде: она ощущает жжение в глазах от соли, в ее легкие попала морская вода, она хватается ртом воздух, пытаясь глотнуть хоть немного, задыхается.

Его тело твердое и мускулистое, он сильнее, чем она могла себе представить, он бьется и брыкается под водой, словно зверь, пригвожденный копьём ко дну.

Противостоя ему, она понимает две вещи — они для нее совершенно очевидны и являются непреложной истиной, справедливость которой подчеркивается отчаянием, которое наполняет ее душу. Во-первых, выживет только один из них, и если она уступит, то утонет.

И во-вторых: чтобы убить кого-то в такой схватке, нужно хотеть смерти своего противника каждой частицей своего существа.

Вопрос в следующем: хочет ли она этого? Хочет ли она, чтобы он умер?

Часть первая ЗАТИШЬЕ

15 февраля — 2:13

Привет. Привет?

Глава 1

— Я не могу, повторяю, не могу ехать на необитаемый остров, — сказала я. При этом я не смотрела на Нико, который нависал сзади над стулом, на котором я сидела. Вместо этого я продолжала пялиться в экран компьютера, пытаюсь вникнуть в смысл того, что было у меня перед глазами. Ясно было одно: эти данные явно не показывали ничего хоть сколько-нибудь похожего на то, что надеялся увидеть профессор Бьянчи, когда нанял меня. Это была моя третья попытка, и я больше не могла игнорировать свои неудачи, поэтому где-то в животе у меня разливалось крайне неприятное ощущение. Что-то было не так.

— Но, Лайла, говорю тебе, такая возможность бывает раз в жизни. Это реалити-шоу на ТВ. *Реалити-шоу*.

— Да пусть бы это была даже единственная возможность за целое тысячелетие, Ник. Я не могу поехать с тобой. Где я возьму на это время? — Может быть, раздумывала я между тем, мне просто не попался на глаза какой-то из образцов? Может, стоит попробовать добавить его к полученному предыдущему результату? — Но не обращай на меня внимания, я вовсе не пытаюсь тебя удерживать. Поезжай. Я буду болеть за тебя отсюда.

— Ты что, меня не слушала? — поинтересовался Нико, и в его уговаривающих интонациях на этот раз прозвучали нотки раздражения. — Я не могу поехать один. Это телешоу для *пар*. Лайла, я прошу немногого, но Ари думает, что для моей карьеры это, что называется, пан или пропал. Другого такого шанса у меня не будет. Ты знаешь, сколько времени я бился головой о стену, участвуя в прослушиваниях и пробах для бог знает какой ерунды. Так вот, это может быть именно то, что мне нужно. Это может стать для меня большим прорывом.

Я убрала с экрана последний файл с образцами, щелкнула мышью, чтобы снова загрузить данные и заполнить таблицу. И тут Нико взорвался.

— Лайла! Черт побери, ты меня вообще слушаешь? Речь идет о поворотном пункте в моей карьере, а ты не можешь на тридцать секунд выключить свой ноутбук?

Я глубоко вздохнула. В ушах у меня зазвучал голос моей матери: «*Перестань смотреть в телефон, Лайла...*»

Сохранив файл, я развернула стул таким образом, чтобы оказаться лицом к своему бойфренду.

— Извини. Ты прав. Я действительно не слушала. Расскажи мне об этом подробно.

— Речь идет о новом реалити-шоу. Приз невелик, потому что все делается с очень ограниченным бюджетом и для совсем нового стримингового канала, но это будет именно их оригинальное шоу, главный проект, и, если он хорошо пойдет, рейтинги рванут в космос. А Ари знает продюсера, База. Они вместе учились в университете. Ари говорит, что может протащить меня в проект через заднюю дверь. То есть, я имею в виду, нас.

— Извини, а в чем состоит идея шоу?

— Пять пар оказываются на необитаемом острове. Игра идет на вылет, съемки шоу продолжатся чуть больше десяти недель. Я точно не знаю, где все это будет, Ари говорил, что, кажется, где-то в Индонезии. То есть это как в «Острове любви» — остаются только, так сказать,

выжившие, те, кто победит во всяких конкурсах. Чтобы продолжать участвовать в проекте, нужно оставаться парой. Солнце, песок, море... Только представь, Лил! Это как раз то, что нам обоим нужно. Отличный отпуск.

— Но это вообще-то не отдых, разве не так? И сколько, ты сказал, все это продлится? Десять *недель*? А когда начало?

Нико пожал плечами.

— Понятия не имею, но вообще-то они вроде бы торопятся. Ари спрашивал меня про мое расписание на ближайшие пару месяцев. Я ему сказал, что у меня нет ничего такого, что я не мог бы отложить.

Я вздохнула.

— Мне правда очень жаль, Нико. Может быть, в твоём календаре ничего важного нет, но у меня все не так. Я никак не могу сорвать выполнение оставшейся части моего контракта, ты знаешь, что не могу. Профессор Бьянчи меня уволит. И как мы тогда будем платить за квартиру?

Было ясно, что не на скудные деньги, которые Нико получал как начинающий актер и бариста, подрабатывающий на полставки. Эта тема у нас не обсуждалась. Но, хотя я ни словом не упомянула ни о чем таком, Нико недовольно покачал головой.

— Но, Лайла, в этом же и соль. Если у меня это выгорит, я приобрету известность. К тому времени, когда закончится показ сериала, меня будут знать в каждом доме, мне будут давать роли на телевидении, в кино, меня будут снимать в рекламе — везде. Это принесет хорошие деньги — на регулярной основе. Деньги, на которые можно будет *купить собственный дом*. Я мог бы снять часть финансовой нагрузки с тебя. Ну же, Лил, подумай об этом, пожалуйста.

Он отодвинул в сторону мой ноутбук, сел передо мной прямо на стол и протянул ко мне руки. Я нырнула в его объятия и положила голову ему на грудь, ощущая

хорошо уже знакомую мне смесь двух чувств — недовольства и любви.

Я любила Нико. Правда, любила. И не только потому, что он был забавный и удивительно страстный — в этом вопросе он по десятибалльной шкале определенно заслуживал восьмерки или десятки, в то время как я — шестерки. Но он, помимо прочего, был неисправным оптимистом, а я — убежденным рационалистом. Он привык искренне считать, что любая радуга заканчивается на земле горшком с золотом, предназначенным именно для него. Такой взгляд на жизнь поначалу, когда мы только познакомились, казался мне просто очаровательным. Но после того как мы прожили вместе два года, он начал меня раздражать. В течение двух лет я оплачивала все счета, за всем следила и все контролировала и вообще играла роль взрослого человека, в то время как Нико преследовал открывающиеся цели и возможности, которые почему-то никогда *по-настоящему* не выливались ни во что материальное.

То, о чем он говорил теперь, казалось очередным нереалистичным прожектом, вроде постановки в Уэст-Энде мюзикла «Сумерки» (в конце концов выяснилось, что никто не позаботился решить вопрос с правами на такую постановку) или плана стать преподавателем актерского мастерства в «Ютьюбе». Было огромное количество подобных схем и планов, которые закончились ничем, всяческих шоу без единого снятого эпизода и пилотных проектов, так и не сдвинувшихся с места. Но если бы я указала моему бойфренду на это, я стала бы для него плохой, человеком, который отнял у Нико шанс воспользоваться очередной предоставившейся ему возможностью.

— Могу я по крайней мере сказать Ари, что ты встретишься с продюсерами? — спросил Нико, обдавая теплым дыханием мою макушку. Я закрыла глаза, зная, что если я на него посмотрю и наткнусь на его щенячий взгляд

с умоляющим выражением, то сдамся. Мне хотелось сказать, что есть очень мало шансов, что мои отношения с продюсерами выйдут за рамки первой встречи. Они, увидев меня, вероятнее всего, сразу же поймут, что я не та горячая красотка с большой грудью, которую они, должно быть, ищут. Мне не нравились реалити-шоу на телевидении, но я видела их вполне достаточно, чтобы понять — в них привлекают участниц женского пола, имеющих совершенно определенный типаж, которому я не соответствую. Другое дело Нико — тело его было подтянутым благодаря занятиям в фитнес-зале, а кожа покрыта загаром, приобретенным в специальной студии благодаря кварцевым лампам. Он прекрасно подошел бы для передач вроде *«Холостые»* или *«Они прекрасно подходят друг другу»*. Но я? Неужели зрители в самом деле готовы созерцать на экранах телевизоров женщину-ученого тридцати с чем-то лет, с пальцами в красных пятнах от реактивов, с мимической морщиной на переносице, вызванной необходимостью прищуриваться, глядя в микроскоп? Неужели я в самом деле поверю, что продюсеры подумают: «Мы, как и зрители, хотим видеть, как она будет бегать трусцой по пляжу в узеньком бикини?» Маловероятно.

С другой стороны... Если всего этого все равно никогда не случится... что произойдет, если я разок подыграю Нико? А потом, когда меня забракуют или эта затея упадет вообще или просто застопорится, во всем будет виноват этот самый Баз, а я заслужу репутацию подружки, которая поддержала своего любимого. По крайней мере, до того момента, как возникнет новый наивный и совершенно безнадежный проект.

Я открыла глаза, раздумывая, что сказать, но мой взгляд уперся в светящийся экран моего компьютера. Прочсть цифры я не могла, потому что Нико отодвинул компьютер на дальний конец стола. Но это не имело значения. Цифры были там, на дисплее, и я это знала. Не-

удобные. Неопровержимые. Не позволяющие себя игнорировать.

— Пожалуйста, — произнес Нико, нарушая ход моих мыслей, и я поняла, что он все еще ждет моего ответа. Я взглянула на него. Его карие глаза была обрамлены невероятно длинными ресницами — словно у молодого Джорджа Майкла. Я ощутила, как внутри меня что-то словно тает... И поняла, что сейчас сдамся. О господи, я собиралась сказать «да», и мы оба знали это.

— Ладно, — произнесла я наконец, чувствуя, что на моем лице появляется недовольная улыбка. Несколько мгновений Нико смотрел на меня. А потом издал возмущенный вопль, оторвал меня от пола и заключил в медвежьи объятия.

— Спасибо, спасибо, боже мой, *спасибо тебе*. Я люблю тебя, Лайла Сантьяго!

— И я тебя тоже люблю, — сказала я, смеясь и глядя на него сверху вниз. — Но ты должен стать участником этого шоу, ладно? Учти, цыплят по осени считают! Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя разочарованным, пролетев мимо.

— Я добьюсь, что меня возьмут, — заявил Нико и, поставив меня на ноги, крепко поцеловал в губы, обхватив мое лицо ладонями. Улыбка широко раздвинула его загорелые щеки. — Не беспокойся об этом, Лил. Я войду в число участников. Мы оба войдем. Как они смогут нас не взять?

Глядя на его лицо, на его широкую улыбку, белые зубы, искрящиеся радостью темные глаза, я подумала — в самом деле, разве они смогут устоять? Никто не мог сказать Нико «нет». Мне оставалось только надеяться, что так же будет настроен и профессор Бьянчи.

15 февраля — 2:13

Эй? Я не знаю точно, как эта штука работает. Но это Лайла, и я вызываю яхту «Шустрый», прием.

15 февраля — 2:14

Эй, кто-нибудь меня слышит? Это Лайла, вызываю яхту «Шустрый», пожалуйста, ответьте. Прием.

Глава 2

— О боже.

Радостное выражение лица профессора Бьянчи сменилось на угнетенное, пока я излагала ему последнюю порцию данных. Сказать, что то, что обнаружил Тони, который занимался проектом до меня, было обнадеживающим, значит не сказать ничего. Если бы удалось доказать, что достигнутое им можно повторить, это было бы настоящим прорывом в исследованиях лихорадки чикунгунья, на которых я специализировалась. Но повторить это, похоже, не удавалось, и это было проблемой.

Раздражало то, что Тони давным-давно уехал. Он опубликовал свою диссертацию, всколыхнув ожидания и вызвав восторги научной общественности, и какая-то частная лаборатория тут же наняла его на постоянную должность. Меня же нанял университет, чтобы подчистить хвосты и устранить кое-какие недоработки. Предполагалось, что задача, которую предстояло решить мне, проста: повторить эксперимент Тони с более широким набором образцов и доказать, что результаты будут теми же. Однако проблема состояла в том, что они не оказались теми же. Я повторяла попытку еще и еще раз, работая до посинения, но после третьего эксперимента была вынуждена признать свою неудачу. Эффект, обнаруженный Тони, не просто был слабее — его не было вообще.

Теоретически я сделала свою работу. То есть меня можно было потрепать по плечу и сказать: молодец, Лайла, хорошо потрудились. Опять же, в теории выяснение того, что вроде бы найденный путь решения на самом

деле был тупиковым, представлял собой не меньшую ценность, чем какое-то новое открытие. Но штука в том, что мы все понимали: на практике это так не работает. Те ученые, которым удается обнаружить, что что-то *не работает*, не получают грантов. Гранты достаются тем, кто делает интересные открытия и добивается результатов, о которых все говорят. Никто не хочет публиковать исследование, которое представляет собой тщательное изложение некоей неудачи, каким бы интересным оно ни было.

В самые тяжелые моменты, переживая свой провал, по ночам, часа в три, мучаясь бессонницей, я обвиняла во всем Тони. Возможно, изложенный им метод был ошибочным. Может быть, он даже сфальсифицировал результаты? Но в самой глубине моей души, в глубине моего сознания ученого я, глядя на данные, полученные им в ходе эксперимента, понимала, что Тони не виноват. Он, можно сказать, бросил кости целую дюжину раз, и во всех случаях у него выпали одни шестерки. Но когда я попробовала повторить то же самое в намного более широких масштабах, ничего не вышло. И теперь именно мне предстояло огласить плохую новость и расхлебывать последствия.

Всего несколько недель назад меня не беспокоило то, что мой контракт с университетом должен был вот-вот закончиться. Профессор Бьянчи в целом заверил меня в том, что продолжение финансирования было формальностью. Но теперь... теперь по выражению его лица было ясно, что мне следует заняться шлифовкой моего резюме. И готовиться объяснять потенциальным нанимателям тот факт, что целых двенадцать месяцев я занималась исключительно перспективным проектом и в итоге полностью провалила план продвинуть его.

— Вам следует составить подробный отчет, — сказал профессор Бьянчи усталым голосом. — А затем нам нужно будет проверить, можно ли спасти что-то из ис-

ходных данных. Возможно, какой-то положительный результат даст исследование Грегора по моделированию на животных.

Я закусила губу и кивнула.

— Мне очень жаль, — в очередной раз сказала я. Профессор Бьянчи пожал плечами. Это был жест настроенного философски человека, контракт которого был бессрочным. То есть он хотел, конечно, чтобы моя работа оказалась успешной, но его карьера от ее итога не зависела.

— Это не ваша вина, Лайла.

— Как вы думаете, что это может означать для решения вопроса о продлении моего контракта?

— А, вот вы о чем. Хороший вопрос. Ваш контракт истекает в следующем месяце, не так ли?

— В марте, — негромко сказала я. — Через десять недель.

Профессор кивнул.

— Я поговорю с членами комитета по грантам. Но...

Мой собеседник не закончил фразу, однако явно подразумевал примерно следующее: «Не делайте в ближайшее время никаких крупных покупок».

Я с трудом выдавила из себя улыбку.

— Конечно. Спасибо. Послушайте... — начала я и осеклась. Сейчас явно был не лучший момент для того, чтобы просить предоставить мне свободное время, но, с другой стороны, это, похоже, не имело принципиального значения. Я вполне могла писать свой отчет как здесь, так и на необитаемом острове, куда меня звал Нико, и воспользоваться моим правом на отпуск до окончания срока действия контракта.

— А сейчас будет очень плохое время для того, чтобы я на какое-то время взяла перерыв? Нико, мой молодой человек, пригласил меня... — Я замолчала. Я не была на сто процентов уверена, что профессор Бьянчи знает, что такое телевизионное реалити-шоу. Как-то раз я упо-

мянула в разговоре о «Большом брате», и, помнится, он тогда решил, что я говорю о Джордже Оруэлле. А участие в реалити-шоу, вероятно, не вполне соответствовало моему образу ответственного профессионального ученого, который я пыталась создать в его сознании. — Речь идет о рабочей поездке, — пояснила я. — Он попросил меня отправиться вместе с ним.

Профессор попросил меня продолжать. Тогда я сказала ему, что смогу работать над отчетом и в поездке; более того, возможно, там мне будет делать это легче, чем в лаборатории.

— Да, конечно, — сказал профессор, и мне показалось, что на его лице я заметила оттенок облегчения — или мне это почудилось? — Конечно. И я надеюсь, что к тому моменту, когда вы вернетесь, у меня уже будут новости от комитета по грантам. Еще раз спасибо, Лайла, за проделанную вами работу. Я знаю, это всегда нелегко — получать разочаровывающие результаты.

— Пожалуйста, — ответила я и, поскольку наш разговор явно закончился, вышла из профессорского кабинета.

* * *

Я купила билет на автобус, идущий обратно в восточную часть Лондона, и во время поездки наблюдала за тем, как струйки зимнего дождя стекают по запотевшим стеклам. Одновременно я размышляла о собственных перспективах. Мне тридцать два года. Все мои университетские друзья покупали дома, остепенялись, заводили детей. Шутки моей матери о желании понянчить внуков начали становиться несколько язвительными и болезненными для меня. Но я застряла на некой стадии своего жизненного пути, которая, кажется, никуда не вела. Когда-то я мечтала создать свою команду ученых, даже собственную лабораторию. Благодаря постоянным разговорам о дефиците женщин в научных кругах все

это казалось таким возможным! Нам говорили, что комитеты по грантам буквально заывают мотивированных ученых прекрасного пола.

В действительности же их в академической среде было вполне достаточно, по крайней мере когда я загорелась этой идеей. Первые двое руководителей лабораторий, в которых мне довелось работать, были женщинами. Но комитеты по грантам вовсе не казались более благожелательными к таким, как я, нежели к мужчинам. Шли годы, и все больше женщин на практике оказывались вытесненными из реальной исследовательской среды. Рождение детей и материнство плохо вязались с соблюдением сроков выполнения финансируемых грантами проектов и гонкой за результатами. Воспитание сыновей и дочерей очень трудно совмещать с выращиванием культур тканей, которые тоже требовали постоянного внимания, их нужно было разделять в десять вечера и в пять утра и круглосуточно обихаживать, чтобы они не зачахли и не погибли. А ипотечным банкам не нравилась ненадежность краткосрочных контрактов. Всякий раз, когда я приступала к работе на новом месте, мое финансовое положение оказывалось недостаточно стабильным незадолго до того, как у меня заканчивался испытательный срок, и как раз в тот момент, когда я получала официальное уведомление о необходимости оплатить счета за аренду, — так что я никогда не успевала обрести хоть сколько-нибудь прочное материальное положение. Учитывая скудные и весьма нерегулярные заработки Нико (хорошо еще, что в течение тех двух с половиной лет, что мы были вместе, он все же получал хоть что-то), моя жизнь была полна стрессов. И чем дальше, тем отчетливее я понимала, что невидимые часы тикают, и это касается не только вопроса о детях. Возможности построить карьеру в науке были очень ограниченными — слишком много было претендентов на успех, слишком мало должностей заведую-

щих лабораториями, так что конкуренция была поразительно жесткая. Если человек не достигал определенных результатов до тридцати — тридцати с небольшим лет, у него практически не было шансов добиться поставленных целей.

Возможно, пришло время выбросить на ринг полотенце и признать, что все мечты, которые я лелеяла, окончив университет, никогда не исполнятся. Что я никогда не смогу возглавить и обеспечить финансирование моей собственной лаборатории. Что профессора Лайлы Сантьяго никогда не будет на свете, что она никогда не выступит в роли основного докладчика на авторитетной научной конференции и не будет давать интервью журналу «Вирусологический еженедельник». Каждый прошедший год увеличивал вероятность того, что я так и останусь заурядным научным сотрудником, добивающимся подписания очередного краткосрочного контракта. И вполне возможно, что пришло время принять эту правду и задуматься о том, что делать дальше.

Не в мою пользу было то, что Нико было всего двадцать восемь лет, и он явно еще не был готов остепениться. Он ничуть не изменился за последние три года, прошедшие с того момента, когда мы с познакомились на устроенной каким-то моим знакомым тематической вечеринке «Резня в День святого Валентина», предназначенной для разочарованных в жизни одиночек и убежденных холостяков. Нико был в костюме Фредди Крюгера, и его герой, как мне показалось, выглядел чересчур сексуальным. Я смухлевала и в качестве костюма использовала позаимствованный в лаборатории рабочий халат, нарочно испятнав его поддельной кровью. Мы с Нико смешивали на кухне коктейли «Кровавая Мэри», смотрели, сидя на кушетке моего знакомого — организатора развлечения — сериал «Пятница, 13-е», обнимались в самые пугающие моменты зрелища и в конце концов оказались целующимися в ванной комнате. На следующий день